

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/947005>

Идеальный приют

Направленность: Гет

Автор: MeliDenta (<https://ficbook.net/authors/39953>)

Фэндом: Ориджиналы

Пейринг или персонажи: Семья Майр (Марг, Дэн, Дора). Саймон, Клэр, Марк - их гости.

Рейтинг: G

Жанры: Ангст, Психология, Философия, Повседневность, ER (Established Relationship)

Размер: Мини, 9 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

У каждого из нас есть уголок, где можно спрятаться или передохнуть от гроз. Только можешь ты с стопроцентной точностью сказать, что семья, которая содержит этот приют, - действительно идеальная?

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Поначалу кажется, что все хорошо, потом как-то не очень.

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

В жизни Саймона всегда было много шума, движений, бега, грохота, и очень часто он даже не замечал, как быстро крутится секундная стрелка на его наручных часах. Нельзя было сказать, что его это сильно раздражало. Отнюдь. Саймон был человеком активным, вечно первый, в центре внимания и событий. Чуть что, он сразу прибежит, вызовется, выскочит, встрянет.

Не считая того, что иногда ему хотелось послать все к чертям.

Очередная ссора с женой. Точнее, скандал. Битая посуда, ор, занавески вообще должны были по законам физики сгореть от накаленной обстановки – в общем, все как обычно. Злой, как бешеный пес, и усталый, как вымотанный вол, Саймон резко вышагивал прочь от родного дома (жена, как краем глаза заметил он, мрачно смотрела ему вслед из окна). Куда он шел, куда бежал? Туда, где ему будут рады в любое время суток. Там, где есть то, чего не было вообще в его обыденной жизни, что ему обычно не нужно, но иногда требовалось издерганной к дьяволу душе.

Это был тихий двор. Была ранняя весна: еще не растаял полностью снег, водой впитавшись в землю, дав силу корням газонной травы. Голые ветки прутьями темничного окошка перекрывали мрачно небо над головой. Но в знак обновления уже, кое-где, очень робко, набухли почки, а значит, скоро украсят листья уже опостылевшие черные коряги. Саймон, не обращая внимания на первые признаки настоящей весны и тихо клопоча от еще не прошедшего гнева, направился напрямик к железной двери подъезда. Как обычно, открыта.

Ему нужен был временный приют. На вечер.

Быстро, не медля, он поднялся на третий этаж и остановился перед дверью, на которой прямо на коже была прибита табличка с номером квартиры. Чуть отдышавшись, он вдавил кнопку.

Дзинь.

- Кто там? – доброжелательный женский голос.

- Это Саймон, Марг, можно я...

- Да, конечно, - дверь быстро открылась. На пороге стояла Маргарет в своем обычном наряде: белая блузка, черные брюки, не домашняя одежда, нет, Марг никогда не опускалась до халатов или чего-то еще подобного. Как и не позволяла выглядеть себе неряхой – расчесанные, прибранные белокурые волосы, безукоризненно чистая и аккуратная одежда, ровный макияж – все говорило о высшей степени опрятности. И улыбка. Еле заметная, ободряющая и уверенная.

- Здравствуй, Саймон, - поприветствовала она его.

- Я не отвлекаю?

- Конечно нет, проходи и не задавай глупых вопросов.

Они вошли в прихожую. Он быстро огляделся и облегченно перевел дух: все аккуратно, чисто, спокойно и тихо. Значит, все в порядке. Мир не перевернулся. Точнее, тысячу раз перевернулся, но этот уголок не затронул.

- Где Дэн? – спросил он, хотя точно знал, что тот наверняка работает.

- На работе. Он до семи сегодня.

- Я его подожду, ты не возражаешь? – обычный ритуал вежливости. Будто он не знал, что в этом доме действуют другие правила.

- Нет, конечно, - снова отозвалась она ровным голосом, без всяких перегибов, без всяких повышений тональности. И пригласила его на кухню. Пятнадцатилетняя Дора, дочь Марг и Дэна, сидела за столом и увлеченно читала книжку, периодически вспоминая об

остывавшем чае перед собой.

- Здравствуй, Саймон, - отвлеклась она и вежливо кивнула гостю.

- Здравствуй, Дора, - улыбнулся он ей. Все как обычно: Марг с её привычными хлопотами, Дора с книжкой или учебным пособием (а очень часто её не было вообще дома), а скоро притащится усталый, но непременно в приподнятом настроении Дэн. А пока Саймон ждал приятеля, он поговорит о простых вещах с Марг, расскажет ей, как его жизнь (как работа, как Люси, как дети, какие проблемы, какие радости), упомянет вскользь, что же заставило его сегодня выбежать стремглав, театрально хлопая дверью, из собственной квартиры. Она его успокоит и в своей мягкой шутливой манере даст маленький совет, как помириться с Люси. Затем он спросит, спохватившись, как они. Дела у них, как всегда, как обычно, неплохи: у Марг продвигается статья, у Доры – успехи в школе, а Дэн работает, устает как собака, но в принципе доволен жизнью. Все спокойно и безмятежно, безветренно и тихо.

Приют тишины, приют спокойствия. Малые радости, никакого шума, максимум светлых и позитивных эмоций. Никакой спешки, никаких скандалов, и даже дышать здесь легче. И даже за окном лишь ветер иногда сквозь ветки свистел, ну и все – машины не ездили, а редкие прохожие, вступая в эту благословенную зону, бережно хранили молчание. Никто не кричал, никто не включал музыку на полную громкость.

Именно сюда сбегал Саймон, когда, подустав от постоянной беготни и роли белки в колесе, ему хотелось спрятаться и не высовываться. Редко с ним случались эти приступы усталости и апатии, но бывали. И именно сюда, в эту семью, где всегда царит покой, тишина, безмятежность и доброжелательность, он приходил, когда достигалась им точка полного выкипания терпения. Ни единого грубого слова, ни единой нотки негостеприимства – почти что Эдем для уставших. Простые домашние хлопоты, простые проблемы в стиле «что приготовить на обед» или «что почитать на ночь». Лишь покой.

Передышка.

Здесь не было времени. Один лишь вечер казался иногда целым днем. Он разговаривал с Марг или с Дэном, слушал музыку вместе с Дорой, иногда пристраивался вместе с семьей Майр для просмотра какого-то фильма.

Дзень.

- О, Саймон! – дружественное рукопожатие, улыбающиеся светлые глаза Дэна.

Привычный мир, уголок, чтобы отдохнуть. Приют для тех, кто устал, кому надоели скандалы и крики, кто вымотался и уделил один только бесконечный вечер для передышки.

А потом уйти и снова, с новыми силами влиться в привычную жизнь, бежать, действовать, пока есть силы и желания. Всегда есть и будут.

Но когда они закончатся... он придет сюда вновь.

- Служба доверия, - привычно ровным голосом проговорила Клэр в трубку.

Снова. Дети, обидевшиеся и не нашедшие общий язык с родителями, живые, схоронившие не так давно близких, девушки, брошенные «вторыми половинками». А то и более страшные исповеди – ученик из класса, где учитель устроил настоящую деспотию и всю издевался над детьми, бедный мальчишка, ограбивший ночью прохожего, но с отвращением вспоминая о себе, изнасилованная девочка. Каждому нужно доброе слово. Каждому нужно дать время выговориться.

Когда клиентка положила трубку, Клэр откинулась на спинку и посмотрела на часы.

Через десять минут телефоны её бригады отключат от общей линии, и звонки будет

принимать уже следующая группа. А у Клэр есть целые сутки, чтобы отдохнуть. На самом

деле, конечно, она все равно подрабатывала в центре реабилитации в первую половину дня.

Дзинь.

Еще звонок. ВИЧ-инфицированный. Приходится просить подождать и передавать Селли – это её профиль, а Клэр беседует в основном лишь с молодыми людьми и разбирается в их проблемах.

Дзинь.

Типичная история между девушкой и парнем – любовь, расставания, ревность. Успокоить, понять, дать совет. Непременно ровным и спокойным голосом – любое повышение тональности негативно влияет на несчастных. Полчаса спустя они уже распростились. Судя по голосу, девушка пришла к какой-то мысли, и эта мысль её утешала. И то радость.

Дзинь.

- Миссис Ред, вас отключают. Спасибо.

- Ничего. До свидания.

И телефон замолк. И он будет хранить гробовое молчание целый день. Больше никому ей звонить. Ни сюда, ни домой, ни на сотовый. Может, только начальник или кто-то из бригады.

Она резко встала, собрала сумку и вышла, буквально выбежала из центра психологической помощи. Никто её не задерживал, никто не окликнул. Тихо и пусто. Вернувшись домой, Клэр лишь присела на тумбочку, что стояла в прихожей, просто села, не переодеваясь, на разуваясь. В доме было предательски пусто - никто её не приветствовал. Никого здесь не было. Хмыкнула она своим же мыслям – а кому еще тут быть, кроме её самой? Кто еще может быть дома, кроме хозяйки?

Она прямо в плаще, прямо в ботинках подошла к зеркалу. Усмехнулась самой себе и прикрыла один глаз отращенными специально для этого волосами. Чтобы не пугать прохожих выглядящим довольно инфернально бельмом на правом глазу. Причина тишины. Причина молчания. Причина закрытости.

И целые сутки такого состояния, стагнации, мертвого болота, когда в жару тебя накрыли и завернули, как младенца в пелёнки, ватным одеялом, что ни руки вынуть, ни даже закричать.

Она неосознанно погладила трубку безмолвствовавшего телефона. Что ей делать?

Читать книги по психологии или просто застыть, смотря в стену одним слепым и одним зрячим глазом?

Тут она резко подняла трубку, повинувшись порыву души.

Дзинь. Набрала свой личный телефон доверия, для которого не нужна была анонимность.

- Да? – четкий голос подруги.

- Марг, это Клэр.

- О Клэр, как я рада тебя слышать! Ты как?

- Неплохо, - «Мне одиноко». – Марг, ты не против, - «Ты мне pomoжешь?», - если я приду к вам? – «Можно я у вас спрячусь?».

- Нет, конечно, приходи, Дэн будет рад!

- Тогда я подойду... через полчаса, хорошо?

- Ждем!

Всегда четкая и аккуратная Марг. Все в порядке. Все должно быть в порядке.

Настроение после разговора со школьной подругой несколько приподнялось. Клэр снова вышла из дома.

Ноябрь. Депрессивная пора. Осенью звонков много больше, чем даже зимой. Наверное, по той же причине, что ожидание казни намного страшнее, чем сам расстрел. А может, просто серый цвет для нас ассоциируется с неопределенностью и неосознанностью – ни черный, ни белый, лишь туман в глазах. Надо об этом подумать и проглядеть книги. Тихий двор, в котором – ни души. Она чуть поежилась от холода и открыла дверь (и что за безалаберные жители – никак не починят магнитный механизм).

Дзинь. Открыл Дэн:

- Клэр, здравствуй, - приветливо и мягко улыбнулся он, светловолосый низкорослый мужчина с бутылочного цвета глазами. – Проходи, Марг уже тебя ждет.

«Ждет...»

Хоть где-то тебя ждут. Хоть где-то в простуженном от осеннего холода мире есть теплый уголок, где горит огонь, что обогреет. Где нет одиночества. Где нет тревог и треволнений. И здесь не нужно было решать чужие проблемы, кому-то помогать, потому что здесь могут помочь тебе – выслушать, помочь, дать понять «Ты не одна».

Ты не одна – эхом со всех сторон.

Ты не одна – тренькает телефон.

Дзинь. Захлопнулась дверь.

Дора, Марг, Дэн. Идеальная семья, по крайней мере, так выглядит со стороны. Клэр никогда не была свидетелем скандалов, никогда, боже мой, не слышала жалоб со стороны хоть кого-нибудь из супругов. Идеально. Безупречно. Спокойно. И есть только взаимопомощь и дружба, уважение и любовь, невероятное гостеприимство по отношению к тем, кому так просто не повезло, не досталось ни любви, ни покоя. Простые жизненные потребности, простые ценности. И странное желание помочь чужаку. И их не страшило уродство Клэр, этот белый глаз не вызывал у них видимого отвращения. Может, она смотрела на них именно своим слепым глазом, будто снег запорошил обзор, от этого она не видела, что её присутствие их сковывает. Все может быть.

Один лишь вечер. В приюте для одиноких и усталых, которым нужно избавиться от остатка негативных эмоций при помощи этого первоклассного растворителя.

Работа исповедника – самая тяжелая, иногда размышляла Клэр. Сколько не старайся не принимать на себя чужие горести, трудно впечатлительным, да и бесчувственным сложно перекрыть поток информации о сделанном зле, о печалях и неприятностях. Клэр могла держаться долго – но иногда, холодным вечерком, пряталась она в укромном теплом месте, в этой семье, где тебя окружают заботой, любовью, покоем.

Чтобы скрыться от постоянных ударов.

И становилось легче идти дальше.

Родители в который раз что-то не поделили – вот слышны из дальней комнаты весьма нелицеприятные высказывания. А сейчас еще бабушка наорала на Марка, мол, идиот, ничего не умеешь, руки из пятой точки, только обуза для семьи, тунейдец и похож на своего отца (самое страшное). Марк сжал губы, чтобы банально не расплакаться – уж очень в этом малой копии ада щипала глаза сера.

Надоело.

Семнадцатилетний парень закрыл себе уши ладонями, чтобы не слушать этих выкриков из комнаты родителей. Трусливо – но он устал быть храбрым, устал лезть в самую гущу событий, прося их успокоиться и попытаться решить конфликт миром. Что отец, что мать – люди темпераментные, а его считают лопухим щенком, «не знаешь ты жизни, не высывайся, взрослые сами решат». А потом подходила бабушка, и... результат немного предсказуем, верно?

Опять деньги или ревность, что им еще спорить. Воистину, благодатные темы, и нет конца, нет краю всем претензиям. Не туда посмотрела, не там был, «где ты шлялся всю ночь», «что за идиотки твои подружки», «где деньги»... Неизменный словарь. Все так же. Как вчера. Позавчера. И реформа не исправит его, не выбросит эти проклятые слова.

- Куда направился? – визгливый голос старухи. Марк тщетно пытался найти в себе остатки родственных чувств, но ему так захотелось просто обернуться и выкрикнуть «Отстаньте».

- Гулять, - буркнул он и быстренько ретировался из квартиры, лишив бабушку удовольствия побранить его. Она даже не успела ничего сказать – быстро и громко хлопнула входная дверь прямо перед носом.

Марк быстро убежал прочь от дома, как из радиоактивной зоны, и остановился. Лишь бы не слышать, лишь бы не знать, лишь бы не видеть. Лишь бы не чувствовать, что все в семье рассыпается к черту. Лишь бы не знать...

- Марк! – внезапно услышал он голос старой знакомой. Он жестко хмыкнул и обернулся. Дора Майр махала ему рукой через дорогу. Он поднял руку, мол, вижу, заметил. Парень не мог с точностью ответить, рад или раздражен такой случайной встречей. С одной стороны, Дору он знал давно, с самого детства, учился с ней в одной школе (только девушка на класс младше), поэтому она была ему не чужим человеком. С другой – не хотелось вообще ни с кем не беседовать. Лишь молчать, гневаться внутри и бежать. Тем не менее, когда на переходе загорелся зеленый свет, он почему-то перешел дорогу.

- Привет, - кивнула она ему, улыбнувшись. Дора вообще была улыбчивой девушкой – и крайне оптимистичной. Ну еще бы – с чего ей печалиться, если жизнь к ней всячески благоволит? – зло подумал Марк, но тут же подавил это не очень дружеское чувство. Может, Дора и не заметила легкую тень на лице?

- Ну привет-привет, - с вечной насмешкой отозвался Марк. – Как ты?

- Да так, можно сказать, что неплохо, - она скрестила руки на груди и тоже с усмешкой поглядела на друга. – Куда идешь?

- Куда-нибудь, без дела шатаюсь, - признался он, не открывая, впрочем, причины своего бесполезного «шатания».

- Ты хотя бы можешь себе это позволить, - хмыкнула она, красноречиво бросив взгляд на тяжелую сумку, висевшую на плече. Вид создавал впечатление, что её набили камнями. Дора была записана на всевозможные дополнительные занятия и кружки. На недоуменные вопросы из серии «зачем тебе столько» она уклончиво отвечала, дескать, так надо. Кому надо, зачем надо, Марк отказывался понимать.

- О да, я могу позволить себе многое...

- ...только не все тебе полезно, - любезно закончила за него Дора. – Коль свободен, проводишь до дома?

- Сумку не поташу.

- Гад ты, - с чувством, но без обиды произнесла она, и ребята, переговариваясь и беседуя, направились по направлению к дому (а на середине пути Марк испытал что-то отдаленно похожее на стыд и все-таки взял у девушки сумку). Погода была хорошая – все цвело и благоухало, ведь стояла самая настоящая весна – с зеленью, с проталинками и прочими веселыми вещами.

- Зайдешь к нам? – предложила Дора, позвякивая ключами.

- А твой отец не выгонит меня с криком «Соблазнитель проклятый, прочь от моей дочери!!!»?

- Мой отец слишком разумен, чтобы не понять, что единственно кого ты сможешь

соблазнить – какую-нибудь старушку...

Марк даже не обиделся.

Дзинь.

Они вошли в прихожую. Стоял идеальный порядок – будто пыль даже не могла образоваться в таких условиях. Будто пол впитывал грязь, не оставляя следов. Марку стало неуютно – все казалось неживым. Из какой-то комнаты слышался шум телевизора. Шел какой-то фильм, судя по репликам, детективный.

- Дора? – послышался мужской голос, и в прихожую им навстречу вышел сам мистер Дэниэл Майр. Увидев Марка, он удивленно вскинул бровью.

- Привет, пап, - выпалила Дора. – Это Марк, ты не помнишь его?

- Ах, да, - и улыбнулся. Что ж за улыбочное семейство, ё-мое. Марк тихонько хмыкнул своим мыслям, но тут же подумал, вспомнив родных, что улыбаться всяко лучше, чем ссориться прямо перед гостями. – Помню. Как поживаете, Марк?

- Неплохо, - осторожно ответил юноша, не зная, что делать дальше и как избежать возможных неудобств. Самым правильным выходом была дверь. Когда он уже хотел уйти, сославшись на несуществующие дела, эта самая дверь очень неожиданно открылась, чуть не задев самого Марка.

Дзинь.

- О, все собрались? – удивленно спросила Маргарет Майр, мать Доры.

- Да, дорогая, - снова улыбнулся (черт, ну сколько можно?!) мистер Майр и помог жене потащить тяжелые сумки до кухни. И по-семейному обнял её и поцеловал. Марку мигом вспомнилась ситуация дома, и ему стало тошно. Этой семье так хорошо. Любят друг друга, никогда не ссорятся, никаких скандалов, никаких проблем – даже на родительские собрания к Доре они ходили вместе. Идеально.

Миссис Майр сразу узнала Марка:

- Здравствуй, Марк, как поживаешь? Как родители?

- У нас все хорошо, - вымученно сказал он. Как ножом полоснули.

- Присоединяйся к нам к ужину, - внезапно предложила хозяйка.

- Простите, но...

- Марк, не отказывайтесь, - добродушно вымолвил мистер Майр. – Посидите с нами, думаю, Дора будет рада.

Дора улыбнулась. Но как-то странно. Неживо.

Так или иначе, но юношу уломали присоединиться к семейной трапезе.

Приют для тех, кто не знает покоя. Гостеприимство и спокойствие – вот девиз этих людей.

Муж сидит бок о бок с женой, плечо к плечу. Никакого шума. Идиллия.

И стоило Марку хоть немного забыть, успокоиться, как тут же, ярким контрастом, бьющим в глаза, всплывали в сознании различные ситуации из собственной жизни: постоянная ругать, постоянные претензии, бывало и рукоприкладство, что уж говорить. И черной волной на него накатывала зависть к Доре – вот у нее родители, любят они друг друга или очень сильно уважают. Мир и благоденствие. Никогда он не слышал ничего худого про них.

- Я, наверное, пойду...

Дзинь.

Дора отправилась вслед за ним. Марк мрачно хмыкнул.

- Что с тобой? – внезапно прямо спросила она, когда они вышли из подъезда. Марк лишь фыркнул и язвительно протянул:

- Все прелестно.

- Прекрати. Выглядишь мерзко. Что-то с семьей?

Он вздрогнул и отвернулся. Она подошла к нему и положила ему на плечо руку.

Участливо.

- Не расстраивайся...

- Тебе легко говорить, - внезапно он зло бросил ей, повернувшись и впившись почерневшим взором в её лицо. – У тебя ведь родители любят друг друга! У тебя вообще идеальная семья, а у меня...

Тут он замолк.

Хлоп.

Он схватился за покрасневшую щеку и ошеломленно посмотрел на Дору. Она выглядела настоящей фурией – страшные глаза, сжатые кулаки и змеящийся по устам ядовитый злой оскал.

- Ты идиот, Марк. Ничего ты не знаешь, - прошипела она и внезапно рванула прямо к двери.

Дзинь.

А он все стоял и тупо смотрел. Вокруг было тихо... как в склепе.

Он просто пытался вспомнить, когда видел Дору в гневе в последний раз. Почему-то на языке вертелся ответ «никогда ранее». И не сказать, что ему хотелось еще раз это увидеть.

Он развернулся в растерянности и поплелся прочь от идеального приюта для уставших, одиноких и потерянных...

Только как живут сами содержатели приюта, он не знал.

То, что брак был ошибкой, она осознала слишком поздно.

Маргарет всегда была очень правильной девушкой. Правила, этикет, законы – все это для нее было привычной средой, никогда она не чувствовала дискомфорт от того, что приходилось давить волю, кому-то подчиняться - родителям, учителям, общественному мнению.

Порядок. Правильность. Рамки.

Её любили за эту «правильность», ведь она не создавала никаких неприятностей – она не влюблялась в «плохих» парней (как её старшая сестра, связавшаяся с отпетым негодяем), она не закатывала истерики, если что шло не по ней, она ровно шла и плыла по реке жизни без волн.

Больше всего в жизни она ценила покой. Безмятежность. Бурь она не терпела, штиль, что у многих вызывал ощущение приближающейся беды или омертвелости – вот её идеальная погода.

Порядок. Покой. Равновесие.

Встретились с Дэном они в поезде, когда она ездила навестить Клэр, а он – на конференцию. В поезде легко беседовать – все держишь в голове, что попутчика ты больше не увидишь. Разговорились. Её очаровали его безукоризненные манеры, открытость и спокойствие, а он в ней заметил эту самую «порядочность» и «правильность». Ему нравился порядок в её действиях, строгая логичность и последовательность – они полностью согласовались с его мироощущением. Так или иначе, но они нарушили правило попутчиков сохранять анонимность и обменялись телефонами.

Он позвонил ей ровно через неделю, когда она уже вернулась домой. Она помнила, как смеялся отец, мол, Марг, наконец ухажера нашла?

Мирные спокойные встречи. И все говорили: «Идеальная пара». А кто-то шутил, что они

уже ведут себя как старые супруги, разменявшие вместе полвека.

Порядок. Покой. Размеренность.

Все было идеально. Никаких ссор. Казалось, кто у них просто не могли быть трения – так совпадали у них вектора движения, характеры не было необходимости «притирать» - совершенное соединение. Беседы о жизни. У них не было романтики – оба считали это слишком глупым.

Он так же спокойно, без всяких ритуалов, наедине, когда они выходили из кино, подарил ей кольцо и попросил стать его женой. Она ответила согласием. Идеальная жизнь без потрясений.

Потрясений – нет. Перегибов – нет. Риска – нет.

Она работала в газете, он был физиком и участвовал в различных прибыльных проектах. Был труд, были трудности – но все было как-то спокойно, и они справлялись. Потом родилась Дора. Идеальность, порядок, любовь, уважение. Мир.

Постоянный безграничный мир.

Когда они оба поняли, что это самообман? Прошло слишком много. Лет десять.

Это не был один лишь день. Это был долгий процесс. Было чувство, что начался он аккуратно в день свадьбы. Идеальная свадьба, идеальное житье. Никаких придирок, никаких межличностных проблем. Казалось, что это полное взаимопонимание.

Оказалось, полное равнодушие.

Они перепутали эти два понятия.

И оказались в этом мягком, пуховом, но от того не менее крепком капкане.

Где-то года через два она уже не спрашивала, как дела у него на работе, ибо знала, ответ «Хорошо». Так и он перестал интересоваться, как продвигаются статьи. Другой не плачет, не воеет, не бросается на стенку, не жалуется – значит, все в порядке.

Порядок. Покой. Равнодушие.

Они приходили в свой дом, в эту маленькую крепость, этот уют для презренных, беседовали, перекидываясь парой реплик про хозяйство, про Дору, может, что по работу, а затем – расходились. Или кино вместе смотрели. Ничего иное их друг в друге не интересовало – ни личностные качества, ни желания, ни хобби.

Стагнация. Спокойствие. Омертвелость.

Они затащили друг друга в болото и поныне находились там. Их идеалом был штиль, только забыли они, что он бывает только между бурями. Не бывает, не существует такого моря, которое бы вечно стояло неподвижным. Они забыли, что отдых имеет значение только после работы.

Они окружили себя вечным покоем. И так и остались в нем – никуда не идя, ничего не ища. В порядке. Правильно.

Однажды Саймон шутя сказал, что у них дома он не замечает времени. Он и не знал, насколько был прав – потому что времени здесь не существовало. Было бесконечное неожиданное. Манящее спокойствие оборачивалось пустотой.

И это можно было терпеть, можно было даже любить – если было ради чего терпеть и кого любить.

Они уже не ждали – обреченно они поняли, что свои лучшие годы они посвятили именно созданию собственной клетки. Они уже не любили. И сложно сказать, когда их достойное чувство, которое действительно было, давно, в самом начале, которое, хоть и ровное и спокойное, могло держать их обоих в каком-то движении, угасло. Наверное, оно угасло тогда, когда они позабыли поддерживать огонь.

Они не любили. И даже сложно сказать, что они друг друга уважали. Они не испытывали друг к другу даже ненависти или горечи, они не винули друг друга, мол, ты мне жизнь

загубил.

Потому что понимали – виноваты сами.

Они знали, что оба понимали этот факт равнодушия. Но они были не в силах уже разойтись, развестись и разрушить эту стену. Слишком страшно. Да и постоянно говорили, напоминали, что они обязаны – а дальше можно подставить что угодно. Обязаны обеспечить Доре хороший старт, обязаны сохранить дом уже для её детей, обязаны... держать это приют для уставших.

Этот феномен они заметили не сразу – где-то лет через семь после свадьбы. Дэн все удивлялся, что это к ним повадили в гости ходить. Ослепленные этим мертвым покоем, которые они посчитали за живой, эти уставшие приходили за миром. За любовью. У каждого из нас есть такой уголок, куда забиваешься, чтобы передохнуть и успокоиться – вот у многих этим самым уголком была их квартира. И не могли они расстроить этих бедняг, которые искали утешения, заботы, мира – всего того, что в это мире сыскать труднее, чем единорогов. Они приходили к тем, кто профанировал этими вещами. Так всегда приятно, будь ты тысячу раз противником семейных отношений, посмотреть на «идеальную» семью.

Идеальность – хорошая вещь, только у нее есть один маленький недостаток: её в принципе не существует.

И они лгали. Играли в идеальную пару. Получалось отлично: равнодушным играть вообще проще всего. У них внутри нет ничего ни против, ни за. Им не было сложно разыграть «идеальную пару», так легко, так просто. Радушные хозяева, они одаривали сполна своих гостей всем тем, ради чего сюда явились. Саймон приходил за миром и полной неподвижностью – они ему устроят, им не трудно. Клэр приходила за утешением, снятием напряжения и заботой, главным средством от одиночества – обогреют, утешут. Только вот подруга стала что-то подозревать. Смотрит как-то... странно. Раньше Марг думала, что нет ничего страшнее этого бельма на правом глазу. На практике оказалось, что пронизательный взгляд зрячего глаза много хуже.

Она завидовала этим гостям. Потому что они двигались дальше, они не задерживались в состоянии покоя надолго – Клэр искренне любила свою работу и всех этих людей, что к ней обращались, а Саймон всю фонтанировал идеями. Именно они могли сказать, что жили не зря.

Такая вот у неё жизнь. Ни плоха, ни хороша – она просто никакая.

Обреченность. Одиночество. Пустота.

Порядок. Покой. Рамки.

Равнодушие. Размеренность. Стагнация.

Спокойствие. Серость. Отрешенность.

Замкнутое пространство. Вечное существование в такой вот обстановки нелюбви.

Супругов ничего не держало – лишь какие-то обязанности, которые не приносили подчас никакой пользы и не имели часто смысла.

Дора видела. По какой-то иронии судьбы, она родилась активной и действующей. И ей было страшно смотреть, как родители, не любя и не чувствуя ничего, понапрасну мучают себя этой клеткой. Однажды она не выдержала и крикнула им «Разводитесь». Уж лучше так, чем это «ничего».

Но всегда находилось что-то, что мешала им порвать окончательно. Может, они пытались раздуть огонь былой привязанности? Только напрасно – кто-то уже окатил место костра ледяной водой.

Дзинь.

Марг вздрогнула. Кто-то опять пришел в приют. Нужно опять надеть маску доброй

хозяйки. Нужно опять дать кому-то временное пристанище. Ведь это – идеальное место для уставших, обиженных, нелюбимых, потерянных и одиноких.

Дзинь.

Когда-нибудь она вырвет из своей груди сердце, выцедит яд, скопившийся за все годы «идеального супружества», и выльет его в свою кружку. А может, и в стакан мужа.

Смотря, что победит в ней – эгоизм или милосердие.